

УДК: 821.161.1

О ДУХОВНОЙ БРАНИ В ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(УРОКИ ОТ А. С. ПУШКИНА, Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
И Л. Н. ТОЛСТОГО)

Терлецкий Александр Дмитриевич,

*к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
e-mail: aterletskiy@mail.ru*

В статье рассматривается своеобразие духовной борьбы в жизни и творчестве А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Борьба эта имеет первостепенное значение в земной жизни человека, ибо она, в конечном счете, определяет его вечную участь. Особое внимание в работе уделяется извлечению уроков (научений) из жизненного и литературного опыта русских классиков. Этой сверхзадачей, выражающей истинное назначение науки (которая – по смыслу самого слова – должна чему-то научать человека), определяется специфика православного научного подхода к решению всех насущных вопросов нашей жизни.

Ключевые слова: *духовная борьба, Истина, Православие, Пушкин, Достоевский, Толстой, страсть, гордость, смирение, наука.*

*«Тут дьявол с Богом борется,
а поле битвы – сердца людей...»
Ф. М. Достоевский*

Все формы и разновидности видимой борьбы в истории рода человеческого (от мировых войн до семейных конфликтов) есть лишь следствие и внешнее выражение иной, малозаметной или вовсе невидимой, духовной брани. По учению Православной Церкви, эта брань имеет первостепенное значение в земной жизни человека, ибо она, в конечном счете, определяет его вечную участь. Об этом ясно свидетельствуют Священное Писание, творения святых отцов Церкви, богословские исследования и подвижнические наставления.

«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 11–12),* – призывает нас к духовному бодрствованию апостол Павел. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) в проповеди от 12 августа 1956 года говорит по

поводу этих апостольских слов: «И какими слезами оплачем мы тех близ нас, которые ничего не хотят знать об этой борьбе, о духах злобы поднебесных, которые смеются над верой нашей в нечистых духов? Какими слезами оплачем их? Ибо, конечно, для бесов, для самого дьявола в высшей степени выгодно, чтобы в них не верили, чтобы никогда о них не думали, чтобы никогда не ощущали близости их. Ибо скрытый, неведомый враг гораздо опаснее врага видимого» [9, 39–40]. «Упорное неверие в бытие злых духов есть настоящее беснование, ибо идет наперекор Божественному Откровению; отрицающий злого духа человек уже поглощен дьяволом (1 Петр. 5, 8)» [16, 4], – отмечает в своем дневнике за 1898 год св. прав. Иоанн Кронштадтский. «Пока не окончится земная жизнь человека, до самого исхода души из тела, продолжается в нем борьба между грехом и правдой. Какого бы высокого духовного и нравственного состояния кто ни достиг, возможно для него постепенное или стремительное, глубокое падение в бездну греха» [3, 31], – предупреждает об опасности духовной брани святитель Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский. Афористически кратко сущность и важность этой борьбы сформулировал Ф. М. Достоевский: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Д XIV, 100).** И если Бога сатана победить не может, то человек «по своей глупой воле» (выражение героя «Записок из подполья» Достоевского) может отдать сердце и душу дьяволу – и тогда никакие внешние успехи, достижения и победы не избавят его от поражения в духовной брани.

Важнейшей проблемой – сверхзадачей – изучения творчества каждого значительного писателя является извлечение уроков (научений) из его литературного и жизненного опыта. В этом заключается высшее и истинное назначение науки (по смыслу самого слова). Если наука ничему не научает человека, то грош ей цена.

В последнее время в отечественном литературоведении «научный» плюрализм, продолжающий марксистскую традицию извращения Истины на более высоком профессиональном уровне, начал уступать место православно-христианскому подходу к литературным явлениям, позволяющему по ясным и простым критериям различать добро и зло, правду и ложь. Такой подход может быть продуктивен в исследовательской работе при должной строгости в соблюдении второй заповеди Закона Божьего: «Не сотвори себе кумира...» (Исх. 20, 4) и евангельской заповеди: «Не судите, да не судимы будете; / Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7, 2).

I. «...И дух смирения, терпения, любви и целомудрия мне в сердце оживи» (А. С. Пушкин)

А. С. Пушкин в стихотворении, давшем название и первый эпиграф знаменитому роману Ф. М. Достоевского – «Бесы», предстает как поэт подлинно мировой скорби. Духовная сущность этой всеобщей скорби, далеко не всеми замечаемой, заключается в порабощенности (после грехопадения) человеческого рода падшими духами – сатаной и бесами, вследствие чего «...вся тварь совокупно стенает и мучится донныне» (Римл. 8, 22), так как «попали богоотступники из-под природной власти Божией в добровольную кабалу к нечистому» [11, 14]. Освобождение от этого бесовского рабства – важнейшая задача, стоящая перед человечеством на протяжении всей его истории.

Целый ряд стихотворений Пушкина наглядно свидетельствует, что он, в отличие от многих его исследователей и комментаторов, хорошо понимал кто такие бесы и куда они могут привести человека. Поэтому покуда они нас туда не привели, духовный опыт поэта да послужит нам в назидание. Приведем несколько примеров:

*Вдали тех пропастей глубоких,
Где в муках вечных и жестоких
—
Где слез во мраке льются реки,
Откуда изгнаны навеки
Надежда, мир, любовь и сон,
Где море адское клокочет,
Где, грешника внимая стон,
Ужасный сатана хохочет... (П I, 290).****

(1821 г.)

Любопытен комментарий к этому отрывку известного пушкиниста Б. В. Томашевского: «Вероятно, первая попытка разработать сюжет комической поэмы, действие которой происходит в аду» (П I, 395).

*И дале мы пошли – и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня <...>
...Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной –
И бесы тешились проклятою игрой... (П II, 211–212).*

(1832 г.)

В примечаниях стихи опять представлены как «шутливое подражание эпизодам из «Ада» Данте» (П II, 386). Однако образно-поэтический строй этих и других произведений Пушкина, содержащих описа-

ние преисподней, говорит обратное: ему было явно не до смеха, когда смеялись бесы:

(Подражание итальянскому)
Как с древа сорвался предатель-ученик <...>
...Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Приняли с хохотом всемирного врага
И шумно поднесли к проклятому владыке... (П II, 292–293).
(1836 г.)

В самих же «Бесах» (1830), написанных Болдинской осенью – и что показательно – сразу после «Мадонны», ощущение реальности их власти над человеком передано поэтом поразительно естественно и – по Достоевскому – с «надрывом»:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам <...>
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре <...>
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне... (П II, 179–180).

Преемственная сюжетно-образная связь пушкинской «Телеги жизни» (1823) с его «Бесами» – очевидна. Менее заметна несомненная причинно-следственная духовная связь между событиями, описанными в этих произведениях. В «Телеге...» имеется одно очень важное указание на причину того, что совершается в «Бесах». Пушкин так описывает начало жизненного странствования:

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!... (П I, 324).

Одним из главных (но не единственным) признаков того, что человек находится во власти бесов, является его «странное тяготение» к сквернословию. Этим пороком, по замечанию известного духовного писателя епископа Варнавы (Беляева), «растлены души и уста великих

философов и писателей, которые еще стараются учить других добру и произносить вслух прекрасные слова, но никак не могут справиться с этой пагубной привычкой, оставаясь наедине, в кругу друзей, когда ничто уже не заставляет сдерживать себя» (В II, 36–147; 353–356).****

Православный взгляд на матерную брань предельно однозначен: по своей духовной сущности это антимолитва, обращение к сатане и нечистым, срамным и злым демонам и поэтому ничего кроме вреда и посрамления принести человеку в конечном итоге не может, так как является смертным грехом – отречением от Бога и попранием обетов Святого Таинства Крещения. Употребляющий матерную брань прежде всего позорит честь матерей, он уподобляется чудовищу, когда со словом мать связывает понятие только о блуде и кощунствует, будучи сам рожден и воспитан матерью. Матерщина является прямым нарушением V заповеди Закона Божьего о почитании отца и матери, за соблюдение которой дается благополучие и долголетие. Как не может быть ничего общего между истиной и ложью (I Ин. 2, 21), светом и тьмой (2 Кор. 6, 14), Царством Небесным и преисподней, верностью и предательством, чистой любовью и блудной страстью, христианским смирением и сатанинской гордыней, жертвенностью и ростовщичеством; как не течет «из одного отверстия источника сладкая и горькая вода» (Иак. 3, 11), так не совместимы истинная вера в Бога и богопротивное сквернословие.

Православному человеку хорошо известно, что в мире нет ничего случайного и все наши бедствия совершаются по грехам нашим. Глубокое осознание этого непреложного закона рождает не оправдание зла и подчинение ему, а неложное, приносящее «достойный плод» (Мф. 3, 8) покаяние, сопротивление греху в самом себе и его носителям в окружающем мире. Среди причин, по которым были попущены Богом в нашем Отечестве «великие потрясения» (не затихающие до сих пор), не последнее место занимает то печальное обстоятельство, когда в устах и сердцах многих крещеных русских людей молитвы к Богу, Его Пречистой Матери и святым угодникам стали постепенно вытесняться матерной руганью, т. е. призыванием бесов. Духовное растрение русского народа выгодно только врагам русского народа – это аксиома. Поэтому тяжело и грустно читать, слышать и видеть, когда это растрение поддерживается (чаще по неразумию) людьми, считающими себя русскими патриотами и верующими.

Любителям так называемых «крепких» (а в действительности – гнилых) выражений давно бы пора крепко подумать, как жить дальше: продолжать «из любви к искусству» заниматься самоосквернением и заражать дурным примером чистые души детей (на радость невидимым и видимым бесам) или все же набраться мужества, проявить выдержку и прекратить призывание бесов на свою голову, на своих ближних и свой народ.

Из аскетического опыта православных подвижников известно, что с утра после пробуждения каждого человека подстерегает бес-предваритель и по зову (обращению к нему) может управлять своей жертвой в течение дня. Поэтому в утреннем молитвенном правиле мы обращаемся к своему Ангелу-Хранителю с просьбой: «Не даждь места лукавому демону обладати мною, насильством смертного сего телесе...» (См.: Православный молитвослов). Нечто подобное может произойти «с утра» нашей жизни; и если не избавиться от преследующего нас беса – он будет «водить» нас до гробовой доски.

Мирскому сознанию при материалистическом мировосприятии – в этом его трагедия – непросто осознать всю пагубность сквернословия. Оно так же опасно, как опасен демон, им призванный, похищающий у человека любовь, счастье и вечное блаженство и ввергающий его безсмертную душу «в огонь вечный» (Мф. 25, 41). Но вернемся к Пушкину...

«Телега жизни» не без помощи призванных поэтом бесов (других примеров призвания приводить не станем: их, к сожалению, немало) в свой срок привезла его на Черную речку – место дуэли с Дантесом. Однако за полгода до своей неслучайной гибели Пушкин, «исполнясь волею» Бога – по Его призыву в «Пророке» (1826), «Дабы скорей узреть – оставя те места, / Спасенья верный путь и тесные врата» («Странник», 1835), принял евангельский ответ на вопрос: что делать, если «телегу жизни» водят бесы? – «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21). Им было написано стихотворение – один из лучших образцов русской христианской поэзии – переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина, в день памяти которого (28 января по ст. стилю) смертельно раненный на дуэли Пушкин, по свидетельству В. А. Жуковского, «исповедался и причастился с глубоким чувством» [2, 76], а на следующий день тихо скончался.

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого Поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,*

*Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи (П II, 294)
(1836 г.)*

Обстоятельный разбор этого стихотворения сделан В. В. Лепахиным в статье «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (Опыт построчного комментария) [2, 313–330]. Отметим только, что в молитве преподобного Ефрема Сирина перечислены отличительные христианские добродетели, составляющие основу правильной – православной – духовности. Если же в сердце человека вместо духа «смирения, терпения, любви и целомудрия» гнездится дух превозношения, нетерпения, самолюбования, бесстыдства, пошлости и разврата – духовность его по природе своей – бесовская.

Итогом жизненного странствования под водительством бесов может стать участь Писателя из многими забытой басни И. А. Крылова «Сочинитель и Разбойник». В ней «славою покрытый Сочинитель», оказавшись после смерти в аду, с удивлением и возмущением обнаруживает, что он грешнее и потому страшнее наказан, чем Грабитель с большой дороги, который «По лютости своей и злости /...вреден был, / Пока лишь жил». Писателя уже «давно истлели кости», но его «творений яд не только не слабеет, / Но, разливаясь, век от веку лютееет» [10, 594–596]. Поэтому – по делам его «и казни мера» – мучениям Сочинителя на том свете конца не предвидится:

*Не ты ли величал безверье просвещеньем?
Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид облек
И страсти и порок?
И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой!
В ней каждой капли слез и крови – ты виной....
А сколько впредь еще родится
От книг твоих на свете зол!*

Есть свидетельство, что эта поучительная басня в свое время соотнеслась с именем А. С. Пушкина [2].

Небезынтересно и уместно по сходству образов провести параллель между пушкинской «телегой жизни» и гоголевской «птицей тройкой» и рассмотреть этот последний авторский образ-символ Руси в эсхатологической перспективе. Знаменитое лирическое отступление в

конец первого тома «Мертвых душ» начинается такими словами: «И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “черт побори все!” – его ли душе не любить ее?.. Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит... летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мелькании...» Обращаем внимание: движение тройки начинается не с обращения к Богу: «Господи, благослови!», а с призывания нечистого (правда, Чичиков имел обыкновение иногда креститься).

Далее по тексту поэмы: «Русь, что бойкая необгонимая тройка... мчит вся вдохновенная Богом!..» И автор вместе с «пораженным Божиим чудом созерцателем» задает вопросом: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа» [4, 235–236].

Младший современник Н. В. Гоголя – А. К. Толстой (190-летие со дня рождения которого исполнилось 24 августа (6 сентября) сего года) – в своем известном стихотворении 1840-х годов «Колокольчики мои...» в унисон автору «Мертвых душ» вопрошал:

*Чем окончится наш бег?
Радостью ль? Кручиной?
Знать не может человек –
Знает Бог единый! [15, 38]*

На исходе XX века мы стали свидетелями свершившегося факта: Русь– «птица *тройка*» донеслась до «перес–*тройки*». Показательно, что смысл и главная цель этого грандиозного исторического мероприятия были заложены и символически выражены в его названии. Слово «перес» – третье (!) из начертанных на стене чертога вавилонского царя Валтасара во время ночного пиришества – означает «разделение царства».¹ Апофеозом «перес–тройки» стал Беловежский путч (8 декабря 1991 года), когда «тройка» бывших коммунистических начальников: Ельцин, Кравчук и Шушкевич – подписали незаконное соглашение о развале СССР, т. е. о разделении Царства Третьего Рима – расчленении исторической территории Государства Российского. По-видимому, архитекторы «перес–тройки» вышли из среды потомственных юмористов-КВНщиков. Реализация этого бесовского каламбура стала возможной вследствие почти повального отступления нашего народа от Бога и усиленного призывания – через повсеместное распространение сквернословия – бесов, которые не замедлили активизироваться и выполнить свою разрушительную «работу адовую».

Сейчас – по мере приближения мировой истории к своему неизбежному концу – вопрос о дальнейшем движении России приобретает

¹ См.: Русский синодальный перевод Библии – Дан. 5, 28.

особую остроту. Для русского человека начала III тысячелетия старый спор славянофилов и западников становится очевидным выбором между жизнью и смертью, определяющем в земном пространстве его вечную участь. Но и при видимом торжестве демо(но)кратии упование Н. В. Гоголя на Божье чудо остается в силе. Существует немало пророчеств о восстановлении в последние времена мира Русского Православного Царства и Божьего покровительства верным в эпоху гонений антихристовых (См.: [14]). Укажем только на некоторые библейские. В III Книге Ездры – «ветхозаветном Апокалипсисе» – имеется предсказание о «Помазаннике, сохраненном Всевышним к концу» времен (12, 32). А в Апокалипсисе св. апостола Иоанна Богослова – обетование, данное Богом Ангелу Филадельфийской (братолюбивой) Церкви: «... ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего. Вот, Я сделаю, что из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а лгут, – вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя. И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтоб испытать живущих на земле» (Откр. 3, 8–10). Там же есть и таинственное упоминание о «стане святых и городе возлюбленном» (Откр. 20, 8), сопротивляющихся антихристу до Второго Пришествия Христова. Приведем еще одно свидетельство-обетование, записанное в поэтической форме Вяч. И. Ивановым сразу после октябрьского переворота:

*Знаю, Господи, – будет над Русью чудо:
Узрят все, да не скажут, пришло откуда.
И никто сего чуда не чает ныне.
И последи не сведает о причине.
Но делом единым милости Господней
Исхищена будет Русь из преисподней.
Гонители, мучители постыдятся;
Верные силе Божией удивятся,
Как восстанет дивно Русь во славе новой
И в державе новой, невестой Христовой.
И вселенной земля наша тем послужит;
А сатана изгнан вон горько востужит;
Что одолеть не силен ее твердыни,
Божии не горазд разорить святыни,
Но своею же победился победой.
Кто верит вести, слово другим поведай. [8, 65]
(11.11.1917 г.)*

Но обетования Божии исполнятся только при условии сохранения верности Богу. «Если не будет покаяния у русского народа, конец мира

близок» [14, 141], – предупреждал нас св. прав. Иоанн Кронштадтский сто лет назад. Тем не менее, при любом исходе, спасение России – как и всего рода человеческого – совершилось.

Из нашего – увы! – не совсем «прекрасного далека» православный поэт иеромонах Роман (Александр Матюшин) так отвечает на вопрос Гоголя:

*Россия-Русь! Куда б ты не неслась
Оборванной, поруганной, убогой, –
Ты не погибнешь! Ты уже спаслась,
Имя столько праведных у Бога! [13, 306]*

(11 января 1993 г.)

Для нас же вопрос пока остается открытым: захотим мы спастись или нет? Но «воистину, – по слову о. Серафима (Роуза), сказанному еще до «перестройки» в августе 1982 года, – сейчас уже позже, чем мы думаем. Апокалипсис совершается уже сейчас» [14, 339]. Если мы с Божьей помощью научимся к каждому своему слову, поступку (труднее всего – помыслу) прилагать ясный и определенный критерий Христовой Истины, основанной на целомудрии, смирении и правильной любви (см.: 1 Кор. 13, 1–8) и следовать Ей всей своей жизнью, – все бесовские усилия запутать нас, сбить с пути спасения, смутить наши души и утопить их в смрадном болоте греха – все эти козни дьявольские останутся тщетными. Тогда, по слову апостола Павла, никто и ничто не сможет «отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Римл. 8, 39).

А самый простой и надежный способ избавления от греха сквернословия – это искренняя молитва к Богу, которая по мере усердия и постоянства обращает грешника к покаянию, приводит к Причастию Святых Христовых Тайн и открывает ему врата в Жизнь Вечную!

II. Ф. М. Достоевский против «нового мирового порядка» и евросодома

Писатель-христианин не только сам ищет «Царства Божия и правды Его» (Мф. 6, 33), но и стремится помочь найти его другим. За вверенный ему талант он несет сугубую ответственность перед Богом и перед людьми: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48). Однако следовать по пути спасения (и тем более вести за собой других) может только имеющий правильное представление о добре и зле, ибо «если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 14, 15), т. е. – в преисподнюю. Прп. Антоний Великий называет умными людьми не тех, «которые изучили изречения и писания древних мудрецов», но лишь тех, «у

которых душа умна, которые могут рассудить, что добро и что зло»². Прп. Исаак Сирий «выше всех добродетелей» ставит рассудительность [2, 383]. Но дар рассуждения дается только за смирение (Свв. Варсонофий Великий и Иоанн).

Согласно святоотеческому толкованию Священного Писания, для правильного различения добра и зла существует единственно верный критерий: в основании добра лежит смирение, а в истоке зла – гордость. К сожалению, даже в среде православных патриотов этот ясный духовный критерий не всегда осознается.

Ф. М. Достоевскому – благодаря Богу – была дана редкая для светского писателя способность различения добра и зла. Знаменитый призыв, прозвучавший в его Пушкинской речи (1880) как «русское решение вопроса» по «народному разуму» и «народной вере и правде»: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость» (Д XXVI, 139), – является выражением духовной сущности всего его творчества. Вспомним хотя бы старца Зосиму из «Братьев Карамазовых», который в своих поучениях говорит: «Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего» (Д XIV, 289). Но Достоевский как православный христианин прекрасно понимал, что смирение перед Богом и Его святой волей нельзя смешивать с непотворением злу и «смирением» перед бесами – «духами злобы», с которыми нам заповедано «во всеоружии Божиим» вести духовную брань. Поэтому он в своем художественном творчестве и публицистике последовательно утверждал и защищал христианские начала жизни, восставал «против козней диавольских» (Еф. 6, 11–12) и разоблачал их.

Русскую национальную идею, выраженную в известной триаде графа С. С. Уварова – Православие, Самодержавие, Народность – Достоевский принимал в ее духовно-иерархической целостности. Знаменательно, что в записной тетради писателя 1880–1881 гг. перед признанием – «направление мое истекает из глубины христианского духа народного» – выведена следующая «формула»: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие всё» (Д XXVII, 64). Мысль о спасительности Православия для русского народа Достоевский не устал повторять на страницах своего «Дневника писателя»: «Кто не понимает в народе нашем его Православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Мало того: тот не может и любить народа русского <...>, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть и каким себе напредставит его. А так как народ никогда таким не делается, каким бы его хотели видеть наши умники, а останется

² Наставления о доброй нравственности и святой жизни в 170 главах. Глава 1. См.: Добролюбие. Т. 1

самим собою, то и предвидится в будущем неминуемое и опасное столкновение» (Д XXVII, 19).

На Самодержавие Достоевский смотрел как на причину «всех свобод России»: «Тут-то разница во взглядах русских иностранцев и русских – русских, по-иностранному – тирания, по-русски – источник всех свобод» (Д XXIV, 278). Для писателя судьбы России и Самодержавия были неразделимы. «Царь для народа, – писал он в последнем выпуске своего «Дневника», – не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя, а всенародная, всеединящая сила, которую народ сам восхотел... Для народа Царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его...» А единственной силой, «звиздущей, сохраняющей и ведущей» Россию, является «органическая, живая связь народа с Царем своим». Такое отношение к Царю, по Достоевскому, есть отличительная черта русского народа, и поэтому «история наша не может быть похожею на историю других европейских народов, тем более ее рабской копией» (Д XXVII, 21–22).

Уйти от Православия для Достоевского – «оставить славянскую идею и Восточную Церковь» – означало «сломать всю старую Россию и поставить на ее место новую и уже совсем не Россию. Это будет равносильно революции. Отвергать назначение могут только прогрессивные вышвырки русского общества. Но они обречены на застой и на смерть, несмотря на всю, по-видимому, энергию их и тоску сердца их. (Я не про маклаков биржевых говорю, какая у них тоска сердца)» (Д XXVI, 185).

Духовная пронизательность позволила Достоевскому в свое время увидеть главные признаки того общемирового феномена, который на исходе XX века получил название «новый мировой порядок» (далее – НМП).

Доктрина НМП, ставшая в последние десятилетия достоянием широкой общественности, – не просто новейшее изобретение идеологов мондиализма. Идеи НМП не только давно «носятся в воздухе», но, время от времени, воплощаясь в «миротворческие» дела, сильно сотрясают земную поверхность. Так как в основополагающих принципах НМП почти нет ничего такого, чего бы не было «уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1, 10), то попытка выявить отношение Достоевского к утверждающемуся в начале третьего тысячелетия миропорядку вполне правомерна.

Разоблачение общей идеи НМП можно уже обнаружить в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) и «Записках из подполья» (1864): общественный «муравейник», выстраиваемый «мудрецами и любителями рода человеческого» под видом «хрустального дворца», в который «прилетит птица Каган», и настанут «новые экономические отношения, совсем уже готовые и ...вычисленные с математической точ-

ностью», – для Достоевского не более чем «курятник» (Д V, 111; 113–121).

В основе «теории» Раскольникова лежит разделение людей на два разряда: «низший» – «материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей» – «законодателей и установителей человечества», ведущих мир к «цели» (Д VI, 199–201). Сущность этой цели проявляется в «Бесах» (1872). На этот роман часто любят ссылаться перестроечные обличители советского «тоталитаризма», забывая при этом о главнейшей социально-политической идее «Бесов»: либералы-западники – прямые «отцы» нигилизма и революционной демократии и, следовательно, «деды» интернационал-большевистского тоталитарного строя, духовными наследниками которого являются современные демократы. Слова: «Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собой» (Д XXIV, 301), – адресованы Достоевским «русскому» либералу, который по природе своей «лакей и только и смотрит, как бы кому сапоги вычистить» (Д X, 111).

В «Бесах» некий кабинетный теоретик Шигалев выдвигает следующую «систему устройства мира». Все человечество делится «на две неравные части»: «Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем и будут работать» (Д X, 312).

В своих теоретических выкладках Шигалев приходит к якобы парадоксальному заключению: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» (Д X, 311). По существу же никакого противоречия нет: второе «естественно» вытекает из первого. Диктатура НМП утверждается на принципах либерализма, декларирующего «свободу» личности и «права человека». Либеральная идеология призвана расшатать духовно-нравственные устои общества: оправдать грех и сделать его нормой, легализировать порок – выпустить зло на свободу [«мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат...» – (Д X, 323)] и постараться обеспечить его победу в мировом масштабе.

Сейчас только духовно близорукий может не видеть, что главное назначение так называемой международной демо(но)кратии состоит в установлении власти демонов (бесов) над человеческими душами.

Интересно, что в тех же «Бесах» Достоевский в уста Петруши Верховенского вложил тираду, символически предвещающую грядущий НМП: «И застонет стоном земля: “новый правый закон идет”, и взволнуется море, и рухнет балаган, и тогда подумаем, как бы поставить строение каменное. В первый раз! Строить мы будем, мы, одни мы!» (Д X, 326). Этот крик души «вольного каменщика» воспринимается Став-

рогиным как бред помешанного, хотя очень смахивает на откровение строителя НМП. Раскольников в «Преступлении и наказании», обращаясь к Разумихину, произносит примечательную фразу: «Ты всех их добрее, то есть умнее и обсудить можешь...» (Д VI, 88). Следовательно, мудрость тех, которые «умны на зло, но добра делать не умеют» (Иер. 4, 22), – «есть безумие перед Богом» (1. Кор. 3, 19). «Сионские мудрецы», пытающиеся управлять всем миром, на Страшном Суде могут оказаться в полных дураках.

В записной тетради Достоевского 1876–1877 гг. имеются многократные замечания: «Две России – биржевая-жидовская и христианская» (Д XXIV, 269; 273; 275; 281; 284; 285). Писатель говорил «об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства»: «...Матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного матерьяльного обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей» (Д XXV, 85). Господство «жидовской идеи» на Западе Достоевский считал уже свершившимся фактом: «Жид и банк господин теперь всему: и Европе, и просвещению, и социализму. Социализму особенно, ибо им он с корнем вырвет христианство и разрушит ее цивилизацию. И когда останется лишь одно безначалие, тут жид и станет во главе всего. Ибо, проповедуя социализм, он останется меж собой в единении, а когда погибнет все богатство Европы, останется банк жида. Антихрист придет и станет на безначалии» (Д XXVII, 59).

В современную эпоху «рассеянный и гордый человек» (по выражению поэта Юрия Кузнецова) легко принимает те «идеалы» и «нормы» поведения, которые ему навязывает «враг рода человеческого». Все большая часть «цивилизованного» человечества, несмотря на видимое обилие религиозных кумиров, поклоняется единому идолу – «золотому тельцу» (см.: Исх., гл. 32). В обществе «общечеловеческих ценностей» чувства любви к Родине и к своему народу превращаются в анахронизм. На пьедестал возносится Смердяков, мечтающий «кабы нас ... покорили эти самые французы...» (Д XIV, 205). Показательно, что у Достоевского почти все космополиты – «граждане мира» – кончают жизнь самоубийством.

Средства массовой информации, обслуживающие НМП («Жида, явится пресса, а не литература» – (Д XXIV, 187), работают по принципу, с гениальной простотой выраженному Достоевским: «Настоящая правда всегда неправдоподобна <...> чтобы сделать правду правдоподобнее, нужно непременно подмешать к ней лжи. Люди всегда так и поступали» (Д X, 172). Та виртуозность, с которой в СМИ правда делается «правдоподобной», может исходить только от того, кто в Еван-

гелии от Иоанна назван «лжецом и отцом лжи» (Ин. 8, 44).

Либерально настроенным современникам Достоевского некоторые его мнения и «пророчания» представлялись явным «преувеличением» и даже «бредом» – и поэтому воспринимались болезненно. Так, по свидетельству Варвары Васильевны Тимофеевой, в одной из бесед со «знаменитым писателем» в 1873 году ей (тогда 23-летней девице) показалось, что Федор Михайлович (в ту пору редактор журнала «Гражданин») «увлекается», и она пыталась ему возражать:

«Они (либералы – А. Т.), – негодовал Достоевский, – там пишут о нашем народе: “дик и невежествен... не чета европейскому...”. Да наш народ – святой в сравнении с тамошним! Наш народ еще никогда не доходил до такого цинизма, как в Италии, например. В Риме, в Неаполе, мне самому на улицах делали гнуснейшие предложения – юноши, почти дети. **Отвратительные, противоестественные пороки – и открыто для всех, и это никого не возмущает.** А попробовали бы сделать то же у нас! Весь народ осудил бы, потому что для *нашего* народа тут смертный грех, а там это – в нравах, простая привычка, – и больше ничего. И эту-то “цивилизацию” **хотят теперь прививать народу!** Да никогда я с этим не соглашусь! До конца моих дней воевать буду с ними, – не уступлю.

– Но ведь не *эту* же именно цивилизацию хотят перенести к нам, Федор Михайлович! – не вытерпела, помню, вставила я.

– Да непременно все ту же самую! – с ожесточением подхватил он. – Потому что другой никакой и нет... **Начинается эта пересадка всегда с рабского подражания, с роскоши, с моды, с разных там наук и искусств, а кончается содомским грехом и всеобщим растлением...**» [6, 179–180].

Именно эту цивилизацию прививают нам сейчас. Здесь в пору еще раз привести вынесенное в эпиграф известное выражение Ф. М. Достоевского, но уже в развернутом контексте. Дмитрий Карамазов в «исповеди горячего сердца», обращаясь к своему целомудренному брату Алеше, с горечью восклицает: «В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Д XIV, 100).

Кульг «содомской красоты», которая в противоположность Красоте христианской призвана погубить мирь, насаждается повсеместно. Небывалый на земле со времен Содома и Гоморры расцвет «скотских сладострастных обществ» (Д X, 202) – явный признак того, что современное человечество ожидает участь этих злополучных городов, чему мы все чаще и чаще по местам становимся свидетелями (см.: [7]).

По своей духовной сущности НМП – как идеология и практическая

реальность – закономерное следствие грехопадения человека, упорно не желающего признать и принять волю своего Создателя и Спасителя. По многим признакам, это уже окончательный вариант «земного рая», так как торжество принципов НМП будет означать для человечества установление на Земле «царства» антихриста, «которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» (2 Фес. 2, 8).

III. Главный урок от Л. Н. Толстого – его поражение в духовной брани

Духовная борьба в жизни Л. Н. Толстого началась, естественно, задолго до прохождения военной службы на Кавказе и участия в Крымской кампании. Этапы и особенности этой борьбы подробно описаны им в автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность» и других художественных произведениях, они нашли свое отражение в его дневнике, а затем – в знаменитой «Исповеди». Однако серьезное обострение духовной брани произошло именно во время пребывания Толстого в Севастополе. Об этом свидетельствует дневниковая запись от 2–4 марта 1855 года: «Нынче я причащался. Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле» (Т XXI, 139–140).**** Этот замысел, достойный великого инквизитора из поэмы Ивана Карамазова, ясно говорит о непонимании молодым Толстым сущности христианства. Интересно, что в «Отрочестве» (оконченном примерно к середине 1854 года) автобиографический герой Николенька Иртеньев делает следующее признание: «...философские открытия, которые я делал, чрезвычайно льстили моему самолюбию: я часто воображал себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины, и с гордым сознанием своего достоинства смотрел на остальных смертных...» (Т I, 168).

Можно привести множество примеров из художественных произведений Толстого, свидетельствующих о его резком неприятии тщеславия – этого, по определению преподобного Иоанна Лествичника, «коня гордыни» [3, 325]. Ограничимся двумя. В том же «Отрочестве» главный герой так характеризует француза-гувернера, к которому он испытывал «настоящее чувство ненависти», внушающей «непреодолимое отвращение к человеку»: «...он был хороший француз, но француз в высшей степени. Он был не глуп, довольно хорошо учен и добросовестно исполнял в отношении нас свою обязанность, но он имел общие всем его землякам и столь противоположные русскому харак-

теру отличительные черты легкомысленного эгоизма, тщеславия, дерзости и невежественной самоуверенности. Все это мне очень не нравилось» (Т I, 159–160). В рассказе «Севастополь в мае» (1855) тщеславие определяется Толстым как «характеристическая черта и особенная болезнь нашего века»: «Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения... Отчего Гомеры и Шекспиры говорили про любовь, про славу и про страдания, а литература нашего века есть только бесконечная повесть “Снобсов” и “Тщеславия”?» (Т II, 108).

Итак, именно в севастопольский период Л. Н. Толстой с особенной силой обличает тщеславие как болезнь и в то же время сам неизлечимо (как покажет его дальнейшая судьба) заражается более тонкой и опасной формой этой же болезни – духовной гордыней. Мысль об «основании новой религии» будет реализовываться уже знаменитым писателем в «зрелый» период жизни и творчества.

Так как рассматривать подробно перипетии духовной брани Л. Н. Толстого у нас нет ни возможности, ни необходимости, кратко остановимся лишь на некоторых ее ключевых и выразительных моментах.

В «Детстве» (1852) молитва юродивого Гриши (гл. 12) поражает главного героя своим величием и внутренней силой: «Вместо веселия и смеха, на которые я рассчитывал, входя в чулан, я чувствовал дрожь и замирание сердца». И далее следует признание: «...впечатление, которое он произвел на меня, и чувство, которое возбудил, никогда не умрут в моей памяти» (Т I, 43–44).

В третьем севастопольском рассказе имеется впечатляющее описание молитвы к Богу, побеждающей человеческий страх (гл. 14). Искренность и убедительность этого описания не вызывает сомнений в том, что в нем отразился личный опыт Толстого.

Однако 1 февраля 1860 года в дневнике писателя появляется запись, снова слишком явно свидетельствующая о его духовном неблагополучии: «Вчера была бессонница до 5 часов утра. Читал о «вырождении человеческого рода» и о том, как есть [так у Толстого – А. Т.] физическая высшая степень развития ума. Я в этой степени. Машинально вспомнил молитву. Молиться кому? Что такое Бог, представляемый себе так ясно, что можно просить Его, общаться с Ним? Ежели я и представляю себе такого, то Он теряет для меня всякое величие. Бог, которого можно просить и которому можно служить, есть выражение слабости ума. Тем-то Он Бог, что все Его существо я не могу представить себе. Да Он и не существо, Он закон и сила. Пусть останется эта страница памятником моего убеждения в силе ума» (Т XXI, 228). В свое время святитель Иоанн Златоуст заметил, что «гордость есть доказательство скудости ума» [3, 396].

В 1869 году Толстой приобретает портрет А. Шопенгауэра и вешает в своей комнате. В письме к А. А. Фету от 30 августа 1869 года он

пишет: «Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? Неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. <...> теперь я уверен, что Шопенгауэр гениальнейший из людей. <...> Я начал переводить его. Не возьметесь ли и вы за перевод его?» (Т XVII–XVIII, 682). В начале сентября 1869 года во время поездки в Пензенскую губернию с целью покупки имения с автором «Войны и мира» произошло знаменательное событие, проясняющее духовную природу тех «наслаждений», которые он испытывал летом. В письме к своей супруге Софье Андреевне от 4 сентября из Саранска Толстой пишет: «Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было два часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать. Я вскочил, велел закладывать...» (Т XVII–XVIII, 683). Епископ Варнава (Беляев) в своем фундаментальном труде «Основы искусства святости» замечает по поводу этого происшествия: «А уж как после этого не верить? Ведь если бесов нет, то что заставляет почтенного, с такою основательною бородою мужа, как мальчика или паяца, вскочить в два часа ночи с постели, так, как будто у него внутри вставленная стальная пружина вдруг разогнулась, и ехать прочь, очертя голову, куда глаза глядят?» (В II, 385).

У этого события, получившего в биографии Толстого название «арзамасский ужас», была предыстория и далеко идущие последствия. Так, еще в 1857 году, будучи за границей, молодой писатель сообщает своей тетушке Т. А. Ергольской (письмо из Женевы от 4 апреля): «Тем не менее, несмотря на удовольствие, доставленное мне жизнью в Париже, на меня без всякой причины напала невыразимая тоска...». Комментарий епископа Варнавы: «...не только со стороны психологии, но и простой здравой логики, фраза построена неправильно. Это все равно, что сказать: «Несмотря на то, что у меня с утра ни капли во рту не было, кроме трех бутылок вина, я каким-то чудом оказался пьян» (В II, 240).

Позже, в письме к жене от 18 июня 1871 года, Л. Н. Толстой пишет: «С тех пор как я приехал сюда (в степь, на кумыс. – А. Т.), каждый день в шесть часов вечера начинается тоска, как лихорадка, тоска физическая, ощущение которой я не могу лучше передать, как то, что душа с телом расстается». Епископ Варнава отмечает небезынтересную подробность этого признания: «Врач посещает больных поутру, – говорит св. Иоанн Лествичник, – а уныние находит на подвижников около полудня» (Лествица, слово 13; 5). Так как Толстой далек был от христианского подвига, то бес выбрал для визита к нему другое время: соответственный час, но вечерний». К тому же «наш “полдень” у древних подвижников и вообще на Востоке равняется шести часам дня» (В II, 232; 384).

В 1884 году Толстой начал писать повесть «Записки сумасшедшего», которую так и не закончил, хотя возвращался к ней в 1887, 1888, 1896, 1903 годах. В ней подробно описаны не только «арзамасский ужас», но и последовавшие за ним «московский» (после посещения театра в гостинице Толстой «провел ужасную ночь, хуже арзамасской... Всю ночь я страдал невыносимо, опять мучительно разрывалась душа с телом») и «ужас на охоте», когда на него «нашел весь арзамасский и московский ужас, но в сто раз больше» (Т XII, 50; 52). Подобное состояние, неоднократно испытанное Толстым, переживается, по слову преп. Исаака Сирина, «исключительно гордыми душами», и назвать его можно не иначе, как «вкушением геенны» (В II, 237). По свидетельству дочери, уже перед своим уходом из дому Толстой говорил: «Как жалко, что я не могу поселиться и жить в монастыре, исполняя послушание и всякие монастырские работы, но только не посещая церкви и не исполняя обрядов». В православной аскетике это состояние называется бесоудержимостью, когда человек ни к иконе, ни к Евангелию, ни под благословение подойти не может (В II, 264).

Исход брани с духами злобы был для Толстого трагичным. Старец Варсонофий Оптинский, не допущенный к умирающему писателю его чертковским окружением (фамилия секретаря и издателя богоборческих сочинений Толстого оказалось неслучайно-символичной), на просьбу корреспондентов газет и журналов дать интервью ответил: «Вот мое интервью, так и напишите: хотя он и Лев, но не смог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана» [6, 60].

Поражение в духовной брани – главный урок от Толстого в назидание потомкам. Только та душа в Православии считается погибшей, которая так и не смогла преодолеть комплекс самомнения, отделяющего ее от Бога – Источника Вечной Жизни. Гордость, по определению святых отцов, есть медная стена между человеком и Богом. Ее невозможно прошибить даже гениальным лбом, если не будет при этом смиренномудрия сердца (В II, 240). «Душа горделивая есть раба страха, – учит преподобный Иоанн Лествичник, – будучи самоуверенной, она боится всякого шороха и даже теней... все боязливые тщеславны» (Лествица, слово 21; 4, 6).

Отсутствие христианского смирения, духовная гордость Толстого породили его антихристианское учение «о непротивлении злу силой», ибо по своей духовной сущности гордость есть непротивление, т. е. подчинение бесам. И всякий одержимый гордыней – раб дьявола. Так и характеризовали ересиарха Льва Толстого святитель Феофан Затворник и святой праведный Иоанн Кронштадтский.³

³ См. их отзывы о нем в книгах: «Духовная трагедия Льва Толстого». Составитель А. Н. Стрижев. М., 1995; «За что Лев Толстой был отлучен от Церкви»: Сборник исторических документов. М.: Дар, 2006.

Бесовский страх побеждается смиренной любовью, которая возможна только при отсутствии всякого превозношения. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершенен в любви» (1 Ин. 4, 18). «Научитесь от Мене, – призывает нас наш Спаситель, – яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душбм вашим» (Мф. 11, 29).

Актуальное послесловие

Сопротивление злу, лжи и грядущему антихристу есть проявление истинного смирения и верности Христу, Который «всем человеком хочет спастися и в разум Истины прийти» (1 Тим. 2, 4). А лжесмирение перед «человеком греха, сыном погибели» (1 Фес. 2, 3), непротивление ему является отвержением христианского смирения, отступлением от Бога.

Опыт духовной брани Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого – двух известнейших миру русских писателей (которые, будучи современниками, ни разу в жизни лично не встречались, что тоже символично) – служит подтверждением исторического опыта Православия. Со смирением можно и нужно сокрушать врагов Отечества (как это и делали наши святые благоверные князья), а с гордостью невозможно не служить бесам и отцу их диаволу (Ин. 8, 44), уподобляясь тем самым «неразумным хазарам» – и обрекая себя на неизбежное поражение. Да избавит Господь нас от подобного служения!

Примечания

* При цитировании текстов Библии в круглых скобках указываются: сокращённое название книги, номер главы и номера стихов;

** Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *Д.* и указанием номера тома и страницы;

*** Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. М.: Правда, 1981. Здесь и далее ссылки на Собрание сочинений А.С. Пушкина приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *П.* и указанием номера тома и страницы;

**** Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. В 6 т. Нижний Новгород, 1996. Здесь и далее ссылки на трупы епископа Варнавы (Беляева) приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *В.* и указанием номера тома и страницы.

***** Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Здесь и далее ссылки на Собрание сочинений Л. Н. Толстого приводятся в тексте статьи в круглых скобках с употреблением сокращения *Т.* и указанием номера тома и страницы.

Список использованных источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.
2. А.С. Пушкин: путь к Православию. / Под ред. А.Н. Стрижева. М.: Отчий дом, 1999. 416 с.
3. Великие мысли, кратко реченные. Более 4000 изречений святых отцов и учителей Церкви. СПб., 2003. 512 с.
4. Гоголь Н.В. Собр. соч. В 7 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1978. 354 с.
5. Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 643 с.
6. Духовная трагедия Льва Толстого. / Под ред. А.Н. Стрижева. М.: Отчий дом, 1995. 315 с.
7. Зисис Феодор, протопресвитер. Благотворное и очистительное цунами. Виноват ли Бог в стихийных бедствиях? М.: Издательский Дом «Святая Гора», 2005. 55 с.
8. Иванов Вяч. И. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. Брюссель, 1987. 798 с.
9. Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. О борьбе с духами злобы поднебесной // Голос святого целителя. Сергиев Посад, 2004. С. 39–50.
10. Крылов А.И. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1984.
11. Нилус С.А. Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 6. М.: Православный паломник, 2005. 521 с.
12. Преподобного отца аввы Иоанна. Лествица. СПб., 1995. 321 с.
13. Роман (Матюшин), иеромонах. Внимая Божьему велению. Минск, 1998. 544 с.
14. Россия перед Вторым Пришествием. Сергиев Посад: Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1993. 373 с.
15. Толстой А.К. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. 592 с.
16. Христианское учение о злых духах. М., 1990. 112 с.

ABOUT SPIRITUAL WARFARE IN THE LIFE
AND WORK OF RUSSIAN WRITERS
(LESSONS FROM A.S. PUSHKIN, F.M. DOSTOEVSKY
AND L.N. TOLSTOY)

Terletskiy Aleksandr Dmitrievich,

*Ph.D., Associate Professor of
Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: aterletskiy@mail.ru*

This article deals with the distinctiveness spiritual struggle in the life and work of Pushkin, Dostoyevsky and Tolstoy. This struggle is of paramount importance in the Earth of human life because it eventually determines his eternal fate. Special attention in the work focuses on lessons learned (naucheniye) from the life and literary experience of Russian classics. This overarching objective, expressing the true purpose of Science (which is the meaning of the word itself-should something human nachat), specificity of the Orthodox scientific approach to address all the pressing issues of our lives.

Keywords: *spiritual struggle, True, Orthodoxy, Pushkin, Dostoyevsky, Tolstoy, passion, pride, humility, science.*

References

1. The Bible. The books of the Holy Scriptures of the old and New Testament.
2. A.S. Pushkin: put k Pravoslaviyu [A.S. Pushkin: the path to Orthodoxy]. / Ed. A.N. Strizheva. Moscow, Publishing house "Otchiy dom", 1999. 416 p.
3. Velikie mysli, kratko rechennye. Bolee 4000 izrecheniy svyatykh otcov i uchiteley Cerkvi [Great thoughts briefly spoken. More than 4,000 sayings of the Holy fathers and teachers of the Church]. St. Petersburg., 2003. 512 p.
4. Gogol N.V. Sobranie sochineniy v 7 tomah [Works in 7 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978. 354 p.
5. Dostoyevsky F.M. v vospominaniyah sovremennikov. V dvuh tomah [F.M. Dostoyevsky in memoirs of contemporaries. In 2 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1990. Vol. 2. 643 p.
6. Duhovnaya tragediya Lva Tolstogo [The spiritual tragedy of Leo Tolstoy]. / Ed. A.N. Strizheva. Moscow, Publishing house "Otchiy dom", 1995. 315 p.
7. Zisis Feodor, Protopresbyter. Blagotvornoe i ochistitelnoe cunami. Vinovat li Bog v stihiynyh bedstviyah? [Beneficial cleansing and tsunami. Blame is God in natural disasters?]. Moscow, Publishing House «Svyataya Gora», 2005. 55 p.
8. Ivanov Vyach. I. Sobranie sochineniy. V chetiryoh tomah [Works in 4 volumes]. Brussels, 1987. Vol. 4. 798 p.
9. Luka (Voyno-Yasenetsky), Sainted. O borbe s duhami zloby podnebesnoy [About the fight against the spirits of wickedness in high places] // Golos svyatogo celitelya [The voice of the Holy healer]. Sergiev Posad, 2004. Pp. 39–50.
10. Krylov A.I. Sochineniya. V dvuh tomah [Works in 2 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., Vol. 2. 1984.
11. Nilus S.A. Polnoe sobranie sochineniy v 6 tomah [Complete Works in 6 vol.]. Moscow, Palomnik Publ., 2005. Vol. 6. 521 p.
12. Prepodobnogo otca avvy Ioanna. Lestvica. St. Petersburg., 1995. 321 p.
13. Roman (Matyushin), hieromonk. Vnimaya Bozhiemu velenyu [Heeding God's commandments]. Minsk, 1998. 544 p.
14. Rossiya pered Vtorym Prishestviem [Russia before the Second Coming]. Sergiev Posad, Publishing of Holy Trinity St. Sergius Lavra 1993. 373 p.
15. Tolstoy A.K. Sochineniya. V dvuh tomah [Works in 2 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., Vol. 1. 1981. 592 p.
16. Hristianskoe uchenie o zlyh duhah [Christian teaching on evil spirits]. Moscow, 1990. 112 p.